

Если оглянуться назад...

Category: Kitapcy, Söhbetdeşlik

написано kitapcy | 24 января, 2025

Если оглянуться назад... ЕСЛИ ОГЛЯНУТЬСЯ НАЗАД...

Персональному пенсионеру республиканского значения, ветерану партии Сухану Бабаеву скоро восемьдесят. Он родился в 1910 году близ Каахка, в селении Юзбаши. Осиротел рано. И кто знает, как сложилась бы жизнь мальчишки, если бы не приход Советской власти на туркменскую землю.

В пятидесятые годы С. Бабаев был на посту первого секретаря ЦК КП Туркменистана. За заслуги перед Советским государством награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

Вот с этим интереснейшим человеком беседует писатель и журналист Аллаяр Чуриев.

Сухан Бабаевич начнем разговор с ваших детских лет...

— Отец мой умер, когда мне было шесть месяцев. Жил я, сколько себя помню, у бабушки. Она батрачила у зажиточных односельчан и благодаря своим скудным заработкам, кое-как растила и меня, и моих четверых сестер. Едва я подрос — стал и сам зарабатывать на хлеб. До 12 лет пас овец, верблюдов. А потом меня взяли Каахкинский интернат. В интернате я вступил в комсомол.

Однажды наш директор интерната пришел взволнованный. Он сказал: «В нашу республику приезжает товарищ Калинин. Он выйдет из поезда на станции Каахка, чтобы поздороваться с дехканами и рабочими. Пионеры должны встретить его». Я был тогда уже старшеклассником, пионервожатым. Мы пришли на станцию и встали на перроне в строй. У всех повязаны пионерские галстуки, все в белых сорочках. Подошел состав, остановился. Калинин оказался невысоким человеком с острой бородкой. Выйдя из вагона, он поздоровался со всеми, а потом подошел к нашему строю. Он пожал мне руку и спросил: «По-русски понимаешь?» Я ответил, что немного знаю. Потом он

спросил у меня имя, фамилию, где учусь. Я ответил. «А где ты живешь?». — «В интернате». — «Родители есть?» Я ответил «Старая бабушка и четыре сестры. Других родственников у меня нет»...

Поезд ушел. А нас, 20-30 пионеров, срочно повезли следом в Ашхабад. Сказали, что там будет встреча гостя с народом. Приехали в Ашхабад. На площади — Атабаев, Айтаков другие руководители республики.

Состоялся короткий митинг, на нем выступил Калинин. А нас в тот же день отправили обратно.

Вскоре после этого нас из Каахка перевели в Ашхабадский интернат имени Ага Ильбаева. Там мы пробыли пять-шесть месяцев. Однажды наш классный руководитель сказал: «Мы должны идти к наркому просвещения Перенлиеву». Отобрал шесть ребят и повел с собой в здание Народного комиссариата, которое располагалось на нынешней улице Карла Маркса. Он вошел, а мы остались ждать в приемной. Минут через пять нас всех позвали. Перенлиев — смуглый, приятный человек невысокого роста, пора спросив о том, о сем, неожиданно сказал: «Всех вас будем отправлять на учебу в Ташкент. Четверо поедут в инпрос, а двое — в гидротехникум». Посмотрел на меня задумчиво, а потом сказал: «Тебя как раз и пошлем в гидротехникум. Если у тебя есть товарищ, бери его с собой». Уточнив время отъезда, мы распрощались. Я иду и повторяю про себя: гидротехник, гидротехник. А что это такое, сам не знаю. Спрашиваю у классного руководителя: что за слово? Он помолчал, потом говорит: «Кажется, что-то связанное с водой?».

В Ташкенте мы пробыли до конца 1930 года. Со мною поехал туда парень из Мары по фамилии Халлыев. После окончания учебы нам выдали дипломы и отправили домой. В Ашхабаде нас принял руководитель Туркменводхоза Орлов. Мне он предложил остаться в Ашхабаде. Но я сказал: «Нет, вы уж лучше направьте меня на какую-нибудь практическую работу!» И нас обоих отправили в Мары.

В Мары была организация, ведавшая оросительными системами, под названием УМОРС. Мы оба явились туда. Меня тут же направили в Байрам-Али, а Халлыева — в Туркмен-Кала. Приезжаю. День

пробыл, два пробыл – дело мне поручить не спешат. Пошел в водхоз. Начальника водхоза звали Колеин. «Пойдем в райком», – говорит он мне. Секретарем райкома был некто Попов. Приходим к нему, здороваемся. В руках у меня письмо: «Назначить начальником райводхоза»... Попов предлагает мне подождать в приемной. Видно, посоветовался с членами бюро, а уж потом позвал и говорит: «У вас пока нет опыта. А район большой. Вот к какому выводу мы пришли: вы пока поработайте участковым». А я в ответ: «Да я и сам не очень то рвусь руководить. Но я только должен съездит и сказать об этом начальнику УМОРСа».

Там был начальником Ханько Федор Иванович. Пришел я в его приемную и сел. Вошел какой-то старик, сел рядом со мной, достал из кармана кисет с табаком и скрутил самокрутку. Сидит и курит. «Сынок, – спрашивает, – ты откуда приехал?» – «Из Ашхабада». – «А что ты здесь сидишь?» Я рассказал ему о разговоре в Байрам-Али. «Сынок ты подожди немного, я войду». Он вошел, а после и меня зовет войти. Оказывается в четырех километрах ниже Мары есть на Мургабе плотина Эгригузер, и этот старик ее строит. Прораб. И вот он говорит: «Федор Иванович, ты дай мне этого парня». А Ханько в ответ: «Пожалуйста, если сам юноша согласен». И у меня спрашивает: «Поедешь?» «Обязательно поеду!»

Поехали на стройку а там 600 колхозников работает. Прораб познакомил с ними, и представил: «Это ваш новый мастер». А мне говорит: «Я, сынок, буду приезжать на плотину под вечер, когда люди будут расходиться. Но ты меня обязательно дождись».

Конец дня. Все спешат по домам, кто на коне, кто на ишаке, кто пешком. Тут и приходит старик. А в руках у него длинный белый мелок. Если ему что-то не нравится, на том месте он ставит крест. И это место обязательно надо переделать. А если он останется доволен, то бормочет скороговоркой: «Хорошо, хорошо». Вот так я целый год проработал рядом с прорабом Вербицким. На митинг принимать плотину приехал председатель Марыйского райисполкома Овчаренко, и с ним еще пять – шесть человек. Члены комиссии говорят Вербицкому: «Ну, покажи свое детище». А он говорит: «Я плотину не строил. Ее построил вот этот, мой сынок. Он вам все и покажет». А сам не пошел с ними.

Я часа два водил комиссию по плотине. Назавтра составил акт, подписали его. Плотину приняли с оценкой «хорошо».

После этого нас с Вербицким направили в Иолотанский район строить плотину Газыклы. И здесь мы проработали года полтора. Построили, сдали... В то время организовали новый район, нынешний Мургабский – тогда он назывался Семенниковский. Секретарем райкома стал А.А.Сенников. Он и приехал неожиданно к нам на стройку. Спрашивает у Вербицкого: «А как дела у нашего кадра?» А Вербицкий – вопросом на вопрос: «Как это – ваш? Наш он!»

Сенников засмеялся:

– Ну, ладно, покажи мне лучше плотину.

– Все покажет вот этот молодой человек.

Когда мы поднялись на плотину, Сенников вдруг обратился ко мне по имени:

– Сухан, я приехал за тобой.

– Зачем? – спрашиваю.

– Я подбираю кадры для работы в районе. Спросил у людей: кто бы мог встать начальником райводхоза? Большинство называли тебя.

Интересно, думаю, у кого обо мне расспрашивали. Может ташаузская история стала ему известна? А история была такая.

В 1931 году в Ташаузской области вышла из берегов Амударья и залила половину Порсы. Нарушилось судоходство, суда не могли плыть прямо до Аральского моря. Я тогда уже работал в Мары. Так вот. Кайгысыз Атабаев отдал приказ собрать и послать туда гидротехников, знающий туркменский язык. Атабаев тогда сам пробыл там 45 дней и добился, чтобы вода вошла в свое русло. Для работы на запруде нужна была рабочая сила. Я по его заданию поехал в село Геокча на лошади в сопровождении парня-милиционера. За сутки собрал 500 человек и 200 арб.

– Молодец! Приедешь в Ашхабад, зайди ко мне, – сказал тогда Атабаев. Шесть месяцев проработалимы в Ташаузе. Потом в Ашхабаде Атабаев вручил мне премию и Почетную грамоту и предложил остаться в столице. Но я отказался и пояснил, что хочу работать в Мары. Видно, эта история и стала известной секретарю райкома.

Я дал согласие на перевод. Приезжаем в Мары, снова идем в УМОРС. Ханько сказал: «Все будет хорошо». Это было в 1933 году. А проработал я здесь до начала 1937 года. Работать было трудно, интересно и, к слову сказать, небезопасно: по окраинам хозяйничали басмачи. Однажды в полночь мы с Самохваловым-директором районной МТС верхом на конях возвращались из Сухты. Надо было пересечь овраг. Только спустились – нас со всех сторон окружили вооруженные люди. Самохвалов спрашивает: «В чем дело?» – «А вот для начала заберем у вас коней, ну, а с вами еще подумаем, как поступить. Вот ты – кто?» – «Я начальник водхоза», – «Гидротехник?» «Ну, да, – отвечаю. – А со мной директор МТС». «Ладно, гидротехника мы знаем. Садитесь на коней и поезжайте дальше». Словом, не тронули нас басмачи. Добавлю, что это была не первая такая встреча. А впервые с басмачами я столкнулся еще в начале тридцатых годов в Гарлыке. Я там вместе со своим однокурсником Овезом Оразовым проходил практику. Там должны были строить водохранилище, а мы вели предварительные замеры. Днем работали, а ночью спали на крыше сельской лавки. Однажды ночью мы проснулись от шума. Председатель сельсовета разбудил нас и сообщил, что на село напали люди Ибрагим-бека, надел на одного из нас чалму, а на другого халат-дон и увел в чей-то дом. Тогда басмачи не оставили бы нас в живых. А потом, на Мургабе мой авторитет гидротехника помог нам спастись. Я слышал, что в 1935 году в составе делегации Туркменистана вы были в Москве...

– Да, посылали в Москву как передовика. Там меня наградили, а после возвращения назначили начальником УМОРСа.

Припоминается сейчас трудная весна 1939 года. Теджен тогда был смыт селом. Надо было срочно отвести селевые потоки. Когда едешь в Векил-Базар, там и сейчас есть мост, он проходит через овраг. Этот овраг – искусственный, его мы вырыли. Работало там 12 тысяч человек – и местное население, и солдаты. Так вот, приезжает в Теджен первый секретарь ЦК КП(б)Т Чубин. Докладывают ему: «Нас сель затопляет». А тот спрашивает: «А что делать?» Не знаком ведь с проблемой. И слышит в ответ:

«Чтобы к нам поменьше воды пошло, надо затопить Каррыбент». Ну, а когда затапливаешь плотину, естественно, убытков для хозяйства куда больше, чем пользы.

Сложилось после этого очень трудное положение. И вот именно тогда меня направили заместителем народного комиссара и начальником строительства на эту плотину. По решению ЦК я проработал там до самого мая, и мы ее восстановили.

...В середине 1940 года меня вызвал первый секретарь ЦК Фонин.

– Сделаем тебя руководителем Госконтроля, – сказал он мне. Пришлось ехать в Москву почти на месяц, знакомиться с делами. А по возвращении мы создали новый народный комиссариат. Но проработал там лишь неполных четыре месяца – меня утвердили заместителем председателя Совета Народных Комиссаров республики. Я должен был курировать сельское хозяйство.

А там – война. Тут уж совсем иным пришлось заниматься – отправкой наших частей на фронт.

Затем меня направили в Красноводск для организации эвакуации. Там я пробыл до февраля 1943 года. У причала в те дни стояло по четыре-пять судов, переполненных людьми. В иные дни мы принимали до сорока тысяч человек! Из Красноводска отправляли людей в Ташкент, Бухару, города Казахстана, и восточные районы Туркменистана.

В начале марта 1943 года – новый поворот судьбы: пленум ЦК утвердил меня первым секретарем Чарджоуского обкома.

Время тяжелое. Воды нет, колодцы засыпаны... А надо сеять. Что тут делать? Собрали старейшин, посоветовались с ними. Постановили рыть колодцы, очищать арыки. Но мужчины на фронте, а у стариков силы на исходе. Вышли на хашар женщины да мальчишки.

Помню, вместе с инструктором ЦК ВКП(б) Тепловым мы отправились посмотреть, как идут работы. А техники-то никакой! Перед нами – одни женщины. Холодно, а они босиком лопатами орудуют. Теплов сказал:

– Не могу на это смотреть. Я уж лучше посижу в машине...

Несколькими днями спустя меня вызвали в Москву, в Центральный Комитет с докладом. На Бюро присутствовали Маленков, Жданов,

Андреев, Шкирятов. Я почти двадцать минут докладывал. Без утайки рассказал о сложившемся положении. После этого нашей области оказали большую помощь (выделили и технику, и зерно). Вскоре после победы я вернулся в Ашхабад. С 1945 по 1951 год проработал Председателем Совета Министров республики.

– А где вы были; когда в Ашхабаде было землетрясение?

– Я тогда отдыхал в Кисловодске. Мне позвонили из Москвы, из ЦК. Сказали «Вы должны срочно вылететь в Ашхабад». Полетели на военном самолете вместе с генералом армии Хрулевым. Удивительный был человек. Очень много он нам помог. Большую помощь оказал и министр здравоохранения страны Смирнов. Оба они были с нами в самый трудный час. Мы вынесли постановление о мерах по восстановлению Ашхабада и отправили его в Москву. А потом для его обсуждения меня вызвали туда. Бурным было обсуждение. Многие специалисты пришли к мнению, что столицу республики придется перевезти в Чарджоу.

– Спорный вопрос. Его решит только сам Сталин, – сказал Маленков.

Но Сталин сказал, чтобы восстановили Ашхабад на прежнем месте. Он еще спросил у меня: «Колхозники и рабочие помнят, где стояли здания Совмина и ЦК?» Я ответил утвердительно. «Восстанавливайте там же, если пожелает народ». – сказал он. И потом уже никаких разговоров на эту тему не было. Впереди было возрождение Ашхабада...

– Строительство Каракумского канала также было начато в вашу бытность?

– В июне 1951 года Шаджа Батырова отправили на учебу, а меня перевели в Центральный Комитет. Тогда как раз началось строительство Туркменского канала. Но прорыли всего 18 километров, и после смерти Сталина строительство канала приостановили. А расходы были уже сделанные огромные. Мы поставили вопрос так: «Пусть нам дадут технику, и мы своими силами доведем канал до Ашхабада!»

Технику выделили, утвердили начальником стройки Калижнюка. Очень был деловой человек. И закипела работа. В апреле 1954

года я поехал на канал посмотреть как идут дела. Пригласил Какабая Атаева – первого секретаря Марыйского обкома и нескольких министров. Короче говоря, поехали мы ненадолго, а пробыли там почти полмесяца. Много километров проехали на тракторе: пески ведь... Очень много проблем выявилось. Что могли, решали на месте. И там же пришли к решению прокладывать пионерный канал до Захмета, чтобы сначала пустить воду, а уж потом расширять русло. Летом 1958 года вода по каналу впервые пришла в совхоз «Москва» близ Байрам-Али. В ноябре того же года я поехал в Москву. Сказал Хрущеву: «Первую очередь канала закончили. Хочу отличившихся наградить – 400 человек». Получил «добро», когда вернулся, составили список. Но я не успел его предложить его Москве.

– Говорят, когда вас снимали, пленум ЦК КПТ длился три дня...

– Да. Для этого в Ашхабад приехал заведующий Организационным отделом ЦК КПСС Шелепин. Перед пленумом было созвано Бюро ЦК. На заседании некоторые из моих товарищей, с которыми плеча к плечу проработал много лет высказывали в мой адрес такие обвинения, которые и присниться-то не могли. Говорили даже, что когда я работал в Мары, у меня была целая отара овец. Во время перерыва я поговорил с одним из «обвинителей» с глазу на глаз. «Неужели тебе не стыдно?» – спрашиваю. А он мне в ответ: «Ах, все, что говорится, тебе не имеет никакого отношения. Но время такое настало, понимаешь время!» А ведь с этим человеком делил кусок хлеба, когда вдвоем колесили по Марыйской области. На пленуме мне дали слово. Я сказал, что на меня клеветают, что большая часть обвинений беспочвенна, что себя я считаю виноватым лишь в одном: в республике еще надо многое сделать, много нерешенных вопросов. Моя вина в том, что я не успел решить их все. Сошел с трибуны и сел в первом ряду. Председательствующий попросил собравшихся проголосовать за утверждение принятого по отношению ко мне решений. Однако никто не голосовал. И только после того, как я сам поднялся на трибуну и сказал, что участники пленума обязаны подчиниться решению Бюро, люди нехотя стали поднимать руки.

Месяц я был без работы. Потом пошел к первому секретарю ЦК Караеву и сказал: «Пошлите меня куда-нибудь». Мне тогда было 49 лет. Бурашников был тогда заведующим ЦК партии. Мы хорошо знали друг друга. Он сказал мне: «Ты даже не пытайся устроиться в Ашхабаде. Вот в Казанджике создается животноводческий совхоз. Поезжай лучше туда». «Хорошо», – согласился я. И поехал в Казанджик.

Три года я пробыл директором совхоза. Поголовье скота довели до 60 тысяч. Поголовье верблюдов – до тысячи. Одно плохо: семья в Ашхабаде, а здоровье у детей неважное. Я подал заявление и вернулся в Ашхабад. Стал старшим инженером Минводхоза, а через год мне предложили стать начальником строительства в Безмеине. Там проработал 11 лет. И уже оттуда вышел на пенсию.

Смотрю, а сидеть дома без дела, ох, как тяжело. Вернулся снова на стройплощадку – стал заместителем начальника строительства в Яшлыке. А потом случайно услышал: «Ищем человека для работы в пионерском лагере. Ищем долго да не находим...» С тех пор, вот уже 12 лет, я среди детей. Иногда говорю сам себе: «Хватит, отдыхать пора». А пионервожатые и педагоги просят поработать годик, потом еще годик... вот так годы и бегут.

– Знаю, что минувший год был для вас юбилейным – полвека в партии. Были вы и рядовым партии, и на высоком посту руководителя коммунистов республики. А после – снова вниз...И вы не чувствовали себя надломленным?

– Нет! В жизни всякое бывает. Не так уж редко из-за клеветы человека снимают с работы, а если он коммунист, то еще и исключают из партии. И если человек не умеет владеть собою, не может бороться, постоять за себя, если теряет веру в себя и уверенность в своей правоте, то его судьба зачастую оказывается сломанной. Таких примеров можно приводить сколько угодно.

– Наверное, с такими людьми вы встречались не раз?

– Да, а у меня есть одно свойство характера. Если человек, работавший на руководящей должности, приходил ко мне с

искренним раскаянием и желанием разобраться по справедливости, я ему помогал. Если же он, совершив проступок, пытался скрыть его, тогда я относился к этому человеку со всей строгостью.

Конечно, всякое бывало в жизни. Ошибался и я, но одного не допускал никогда – равнодушия к человеческим судьбам.

Однажды был такой случай. Мы провели в Куня Ургенче и выехали в Ташауз. Время ночное. Бездорожье. 90 километров стоит проехать за пять часов. Я сижу рядом с шофером, на заднем сиденье прилег и задремал усталый секретарь обкома.

Мы проезжали по землям куня-ургенчского колхоза имени Калинина. И тут я заметил, что у дороги стоят двое. Велел шоферу остановиться, вышел из машины и направился к этим людям, хотя сразу понял, что стоят они у дороги с дурными намерениями. один из них прежде был председателем здешнего колхоза. Он не поладил с секретарем обкома, башлыка сняли с должности и сняли с партии. Выслушав его сбивчивый рассказ, я все же понял, что наказан человек слишком сурово. Говорю ему: «Завтра приходи в обком, заново пересмотрим твоё дело». А он в ответ: «Пока областью будет руководить этот человек, что в машине отдыхает, мне покоя не будет. Я ведь боюсь в Ташаузе появиться – он сразу же упечет меня в тюрьму». Я заверил, что несправедливости больше допущу. Мой собеседник снова покосился на стоявшую неподалеку машину и сказал: «Этот человек, что едет с вами в машине, счастливчик. Мы ведь вышли на дорогу с одной мыслью: снести ему с плеч голову. Но теперь я понял, что вы правы: секретарь обкома – это еще не вся партия! Верно?»

– Верно! Приезжай же, жду – сказал я напоследок.

Назавтра я ждал бывшего башлыка в обкоме. Но в Ташаузе он не появился. Сразу приехал в Ашхабад. Я принял его, заново пересмотрели его дело. Восстановили человека в партии, дали ему работу.

Помню, в начале пятидесятых даже Берды Кербабоеву покоя не давали. Его обвинили в том, что он, побывав в юности в отряде Эзиз-хана, завязал связи с английской разведкой. Я сразу вызвал к себе тогдашнего председателя КГБ и вплотную познакомился с делом Кербабоева. Убедившись в том, что

обвинение недоказательно, мы освободили его.

– Сухан Бабаевич я слышал, что когда вы возвращались в Ашхабад из Казанджика, всю привокзальную площадь заполнили люди на верблюдах, ишаках. Дехкане приехали провожать вас.

– Это было. В Казанджике хороший народ живет. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю животноводов, работавших там вместе со мной.

– И еще я слышал: будучи Председателем Совмина, а затем и первым секретарем ЦК, вы часто бывали в трудовых коллективах, общались с простыми тружениками. Говорят, что в командировку вы неизменно брали хлеб и термос с чаем, чтобы не обременять никого лишними заботами. И еще вот что рассказывали мне в Ильялы: вам предлагают поехать в такое-то хозяйство, а вы при этом по памяти называете имя одного из бригадиров и предлагаете навестить его бригаду...

– Ну, раз говорят, наверно так и было. Куда бы я ни ездил, старался познакомиться с как можно большим числом руководителей среднего звена, рядовых тружеников.

– Как-то в Мары мне довелось разговаривать с одним стариком. Он рассказывал, как в конце сороковых годов в Мары замерз хлопок. Много доброго он сказал в ваш адрес, вы тогда были Председателем Совмина.

– Если не ошибаюсь, то был сорок седьмой год. 21 сентября ударили заморозки, сильно пострадал хлопчатник в Марыйском оазисе. А я тогда был в командировке в Ташаузе. В тот день из Ашхабада позвонил мне первый секретарь ЦК Михаил Макарович Фонин, сообщил о случившемся и сказал, что мне надо ехать в Мары. Приезжаю. Положение и в самом деле не завидное. Что делать? Я сказал «В Ташаузе есть 50-60 курекоуборочных машин. Надо срочно пригнать их сюда». Машины погрузили на пароход и привезли в начале в Чарджоу, а уже оттуда доставили в Мары.

Народ воспринял куреко очистительные машины как чудо. Я своими

глазами видел, как некоторые женщины вешали на эти машины амулеты. В тот год Марыйская область, не смотря на заморозки, благодаря этим «святым» машинам выполнила план по хлопкозаготовкам на 92 процента.

Скажу еще вот что: руководитель должен воздействовать на людей личным примером, должен быть человеком слова. А слова руководителя не должны расходиться с делом. Я вам расскажу один случай. Не для того, чтобы похвастаться – просто в памяти всплыл подходящий эпизод.

Провели собрание в Теджене и на машине возвращаемся в Ашхабад. По пути свернули на хлопковые поля в районе Меана- Чаача. В колхозе «Москва» хлопчатник оказался неухоженным, поля заросли сорняками. Председатель колхоза дал слово изменить положение. Я сказал, что через пять-шесть дней собираюсь поехать в Мары, а по пути загляну к нему

Так и сделал. Вижу в колхозе кое-что сделано, но очень мало, недобросовестно. Я тогда говорю председателю: «Буду возвращаться из Мары – тоже заеду. Если и тогда ничего не изменится, разговор у нас будет другим». Подействовало. На обратном пути заехал – положение иное. И попробовали бы теперь найти хоть один сорнячок!

Всем сердцем любил мастеров своего дела, прекрасных организаторов хозяйств Ага Али Юсупа, Курбандурды Атамурادова, Ашира Какабаева.

– Сухан Бабаевич, что вы не успели сделать в бытность свою первым секретарем и о чем очень сожалеете?

– Я уже говорил о том, что когда большая вода пришла в Мары, мы получили разрешение на награждение орденами и медалями 400 человек. Был составлен список: пять человек представлялись к званию Героя Социалистического Труда, двадцать пять человек – к награждению орденом Ленина. Но после моего освобождения от занимаемой должности новые руководители перечеркнули этот «бабаевский» список. Вот о чем я искренно сожалею.

– И последний вопрос: чего бы вы больше всего хотели?

– Хочу, чтобы на земле был мир, а народ жил благополучно, хочу, чтоб рос авторитет ленинской партии. Мне сейчас 79 лет. Пройден немалый путь. И хотя были в нашей истории горькие страницы, я горжусь тем, что состою в рядах коммунистов.

А нынешним руководителям республики я от души желаю успехов в их трудной и очень ответственной работе. Мы ведь что-то значим в этой жизни только вместе с народом, если он дружен и един!

А.Чуриев.

«Туркменская искра» 27.07. 1990 год. Söhbetdeşlik